

III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна отд. № 15 коп.

Масленица широкая.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 5

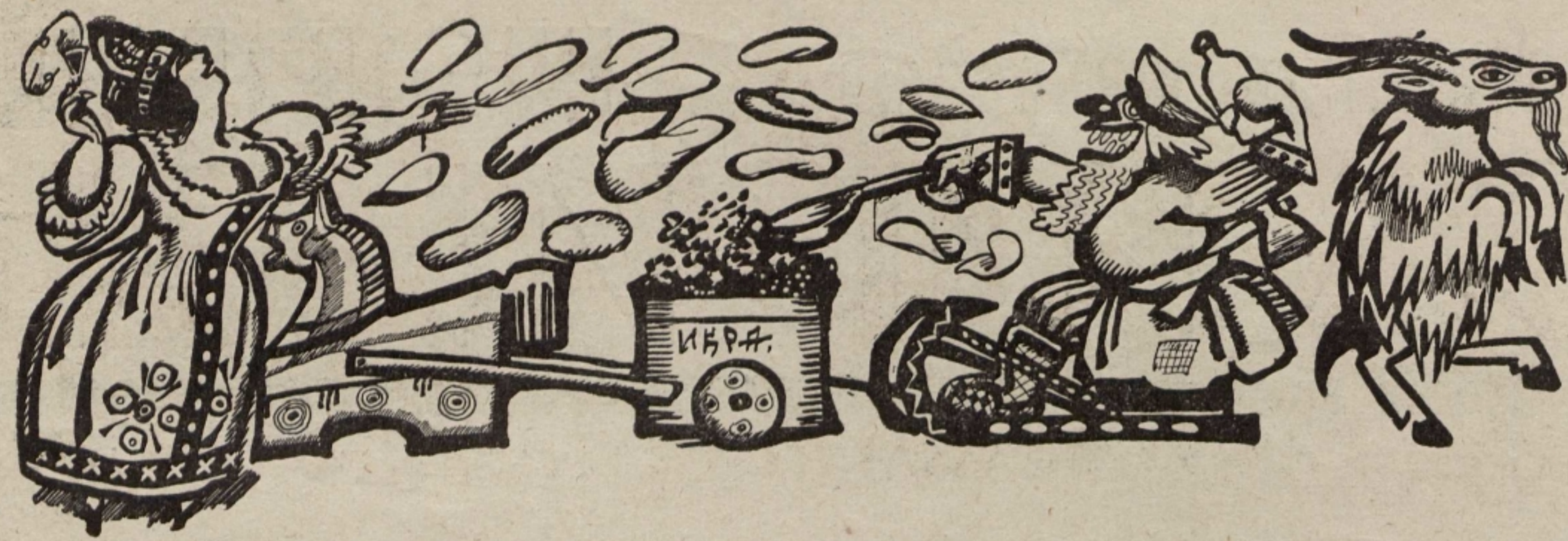
ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

29 ЯНВАРЯ

Рис. Ре-ми.

CARNAVAL MASABRE.

Владыка сѣверныхъ морей,
Суровый и сѣдой Борей
Покрыль сегодня пристань нашу
Гагачимъ пухомъ злыхъ снѣговъ,
И взвилъ метелицу и, въ кашу
Перемоловъ оковы льдовъ,
И неумный, и порочный,
На насъ срывая злость свою,
На берегъ кинулъ полуночный,
Свою волшебную ладью.
Она была съ пробитымъ днищемъ
Отъ встрѣчныхъ минъ и тайныхъ скалъ,
Ее терзалъ девятый валъ,
Ища ей смерти, какъ не ищемъ
Мы, многогрѣшные, любви,
И въ ранахъ вся, и вся въ крови,
Она отъ смерти ускользнула,
Не поддавалась, не потонула,
Домчавъ въ полночную страну
Три разрушающихъ начала,
Три злобныхъ маски карнавала:
Безумье, Голодъ и Войну.
И потянулись по снѣгамъ
Подъ свистъ метелицы три маски,
Суля губительныя ласки
Дремавшимъ мирно городамъ.

Добру и праву вопреки,
Дерзнувшій маніемъ руки
Нарушить мирный сонъ вселенной,
Безумный кайзеръ и согбенный
Старикъ, его старинный другъ,
Въ канунъ веселый карнавала,
Уславши прочь нескромныхъ слугъ,
Вдвоемъ дѣлили свой досугъ
Съ весельемъ пьянаго фіала.
Побѣду, Радость и Успѣхъ
Они къ себѣ на пиръ позвали
И трехъ вдвоемъ любовницъ ждали
Они, скрываясь отъ всѣхъ.
И вотъ пришли три тайныхъ маски,
И зазвенѣлъ вдвойнѣ фіаль...
Но что жъ ни радости, ни пляски
Не видитъ этотъ карнавалъ?
Что такъ безумно смотрятъ дамы
Сквозь неживыя кружева,
И лица злобны и упрямы,
И тяжелѣть голова?
Ты, деспотъ, ты, старикъ безумный,
Своимъ дѣламъ наперекоръ,
На карнавалъ и пиръ свой шумный,
Вы ждали радостныхъ сестеръ!
Судьба васъ мощно покарала:
Нѣтъ, не любовницъ, — за вину,
Она на праздникъ карнавала,
Вамъ вашихъ же дѣтей прислала:
Безумье, Голодъ и Войну!

Потемкинъ.

МАСЛЕНИЧНЫЙ НОМЕРЪ.

Написано специально для людей, не желающихъ тратить деньги на покупку масленичныхъ №№ иллюстрированныхъ журналовъ, и отнюдь не для обиды упомянутыхъ ниже гг. авторъ.

(Прим. редакціи.)

РУСЬ.

О Русь! Живи и ѣшь въ охотку
До покаяннаго поста!
Стопу блиновъ бросаю въ глотку
Я въ два объемистыхъ пласта...
Такъ душно жить мнѣ въ лабиринтѣ
Моихъ мечтаній о другомъ:
Икры боченокъ въ ротъ мнѣ киньте
И пропихните сапогомъ.
Страданій горькихъ сбросивъ узы,
За столь усѣвшись натошакъ,
Я ѣмъ и бью себя по пузу,
Но не съ раскаяньемъ, а такъ...
За стопку новую берусь,
О мать! О родина! О Русь!..

Александръ Рославлевъ.

ОПЯТЬ.

На Невскомъ, и углу Морской,
Домъ № 5, квартира 20,
Люблю, съ незнаемой тоской,
Съ любимой дѣвушкой встрѣчаться...
Я — небо, а она — земля,
Я — инокъ, а она — блудница!
Но у меня лишь два рубля, —
Опять несчастье случится...
— „Тула, со мной, на острова,
Для остроты переживаній!..“
Застрянуть тихія слова
Въ моей нѣмьющей гортани...
— „Зачѣмъ туда... Мы посидимъ...“
Смотри, какъ зори заалѣли!..
И исчезнетъ дѣвушка какъ дымъ,
А я останусь на панели.
Когда жъ впаду я снова въ трансъ,
Пойду въ „Луну“, — возьму авансъ...

Дм. Цензоръ.

ТИХАЯ МАСЛЕНИЦА.

(Разказъ Ѳ. Сологуба.)

Посвящаю Игорю Сиверяину.

Тихіе сидѣли мы за столомъ; тихіе вилки держали, тихіе блины ѣли.
— Раздѣнься, отрокъ, — тихо сказала жена присяжнаго повѣреннаго. — Я люблю матовость кожи около балыка...
Нѣжно погладилъ сѣдую бороду податной инспекторъ, кинулъ ласково:
— Обнажусь. Снимаю одежды во имя твоей воли.
Тихо снялъ онъ пиджакъ и даже спросилъ:
— А галстукъ?
— И галстукъ. И галстукъ, родной, — укоризненно добавилъ хозяинъ дома. — Жизнь пошла... Нужно разбить узы бога земныхъ опасеній Дормидокла. Душа хочетъ свѣтлыхъ тоскованій Майи...
— О, Майя... — нѣжно сказала дѣвица-художница: неземной огонь седьмой уже годъ горѣлъ въ ея водоёмныхъ глазахъ. — Я хочу рисовать тебя, отрокъ...
И не было уже условностей. Вѣчное озарило комнату. И сидѣлъ отрокъ на столѣ на блинахъ, и вырисовывались черты его на полотнѣ, бѣломъ и грубомъ.
Грубая земля... Бѣдная, тихія дѣти ея... Ѳ. Сологубъ.

РАЗСКАЗЪ О ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ.

Наростало что-то большое и тяжелое. Они сидѣли въ кабинетѣ и ѣли блины. Павелъ Петровичъ забылъ платокъ въ карманѣ пальто внизу, но твердо и четко онъ зналъ, что если опустится внизъ, Серафима измѣнитъ ему съ лакеемъ.

Рис. А. Рабакова.

Прошелъ первый моментъ, когда онъ ревновалъ ее къ мало-сольной икрѣ и къ піанино въ углу.

— Смотришь? — хрипло сказала она. — На лакея?
— Но его нѣтъ въ кабинетѣ... Онъ вышелъ, — густо краснѣя, отвѣтила Серафима.
— Все равно. Ты чувствуешь его ароматъ. Ты наслаждаешься волнистыми линиями его тѣла? Да? Да?..
— Что дѣлать?.. Что дѣлать? — ломая руки, крикнула она...
— Уже? Измѣнила? — дико спросилъ онъ, вынимая револьверъ.

— Тысячу разъ да, — злымъ шопотомъ бросила она, — у него такія пьяныя губы... Отъ него пахнетъ запахомъ коридора. Это дѣйствуетъ раздражающе...

Тогда, не помня себя, Павелъ Петровичъ выхватилъ револьверъ и началъ стрѣлять въ окно.

— Я ухожу, — горько сказалъ онъ, — дайте мнѣ чемоданъ, украденный Санинимъ. Мнѣ не съ чѣмъ идти навстрѣчу солнцу...

Зимній морозный день все оправдалъ. М. Арцыбашевъ.

ОТДѢЛЪ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ.

3 кота.

Разъ ходили три кота
По дворамъ.
Ти-та-дри-та-та-та-та
Тарарамъ.
Такъ-съ.
Охъ-съ!
Да-съ.
Хлопъ-съ!
Ти-та-дри-та-та-та-та
Тарарамъ —
Такъ ходили три кота
По дворамъ!

Н. Аглицевъ.

Мелочи.

Да на масляной навѣрно
Ужъ пошли дѣла не тѣ —
И у В. Гогенцоллерна
Вѣрно пусто въ животѣ!

К.

Между пріятелями.

— Ёли вы сегодня блины?
— Да, но это не мѣшаетъ мнѣ
Дать вамъ по мордѣ.
— ?!..
Расходятся.

Веселый дядя.

„БОРОДАВКИ“

Тяжело смотрѣтъ на русскую печать. «Вѣстникъ Семипалатинска» пишетъ:

— Я всталъ себѣ обѣими ногами, высморкался и пошелъ въ улицу...

Не тѣми ли ногами пишетъ г. сотрудникъ «В. С-ска», какими онъ сегодня всталъ?

Стихи изъ «Утра Енисейска»:

— Я благодаренъ всей судьбѣ,
Которой я взлелѣянъ,
И я молюсь той красотѣ,
Которой впренъ.

Будьте лучше вѣрны грамматикѣ, чѣмъ красотѣ. Арк. Б.

СМѢСЬ.

Зубной врачъ персидскаго шаха и масленица.

Въ Персіи существуетъ обычай лѣчить зубы. Онъ не прекращается и на масленицу. А у шаха есть даже специальный зубной врачъ, который въ Западной Европѣ называется дантистомъ (отъ слова «дансъ» — зубы; напр., «дансъ ма-кабрь»),

Были ли у Наполеона носовые платки?

По этому вопросу англійскій историкъ рассказываетъ интересный анекдотъ о томъ, какъ Наполеонъ собственноручно, присутствуя при ранѣ одного изъ своихъ зуавовъ, перевязалъ пораненіе носовымъ платкомъ. Этому солдату поставленъ памятникъ на рю Кафедраль въ Парижѣ.

Составилъ все это — Арк. Буховъ.

ПОѢДУ НА ЛОНО.

(Масляничное.)

Я отдамся на праздникъ
Богу чрева — Ваалу:
Селивановъ, лабазникъ,
Богатѣй и проказникъ,
Угоститъ до отвалу.

Покатаетъ на тройкѣ,
Вечеринку устроитъ,
Для веселой попойки
Погребочекъ откроетъ.

Я ломаться не стану...
Къ бѣсу мозгъ и культуру!
Дай блины и сметану,
Подавай политуру!

Буду властью отъѣдаться
Безъ «рефлексовъ» и мысли,
Чтобы съ денатуратка, —
Водки кровнаго братца, —
Всѣ мыслишки раскили...

Всѣ культуры вериги,
И піеса, и книги
Я смѣню такъ-то рьяно
На пирогъ изъ вязиги

И рюмашку «Тюльпана»!
Подъ икру и сардинки
Можно выпить безмѣрно
Ароматной «Снѣжинки»
И тройного «Модерна»...

Привкусъ «Ландыша» тонокъ
Для свиначьей природы, —
Просить съ хрѣномъ свинокъ —
Стакашюкъ политуры...

Вотъ подъ рыбу, подъ кѣту,
Полагается «Роза»;
Послѣ жъ тройки съ мороза
Упоенье и греза —
Чекалдыкнуть одну «Вioletту».

Въ плясъ пойдешь безъ конфузу,
Цѣловаться полѣзешь,
Щелкнешь даму по пузу
И въ угоду «союзу»
Что-нибудь смарсельезишь...

Скажутъ: — «Дока столічний!»
Ужъ такой великатный,
Собесѣдникъ отличный,
Ну, и пьяница знатный!

Какъ прекрасно все это:
Перезвонъ стакановъ,
«Сгі» и «Шипръ-Вioletта»,
И поклонникъ поэта —
Меценатъ Селивановъ...

Евг. Вѣнскій.

МОЕЙ РОДИНѢ.

Зачинается пѣсня отъ новыхъ дней... Вы послушайте, что споемъ мы въ ней. Пѣсню праздную, пѣсню блинную, пѣсню новую, не былинную... Ужъ ты слушай, мѣръ, слушай нонче ты, что споютъ тебѣ гусли звончаты да на новый ладъ, скоморошій ладъ, какъ блины теперь на Руси ѣдятъ...

Ой, ты, Русь моя, матка темная, мать Рассеюшка черноземная! А и въ ширь ты, Русь, пораскинулась, а и въ даль къ морямъ понадвинулась... Ой, вы, рѣченьки многоводныя, вы, боры-лѣса непроходныя, вы, поля, луга неоглядныя, села сѣрья, безотрадныя!..

Ой, Рассеюшка! про тебя пою, про тебя пою, про печаль твою...

Ой, ты, тихая; ой, ты, сонная; подъ сугробами погребенная; сѣрымъ небушкомъ позабытая; молчаливая да забитая. А и всѣмъ ты, Русь, пребогатая, — сила-мощь въ тебѣ непочатая... Ой, ты, бѣдность-зга, зга былинная, домотканая да мякинная, бѣдность горькая, безответная, бѣдность сѣрая, несусвѣтная... И смѣшна жъ ты, Русь, матка гемная, черноземная, преогромная, неуклюжая, курослѣпая, диво всѣхъ земель — пренелѣпая... Тутъ и мужество, и отчаянье; рядомъ съ творчествомъ пустобаянье; тутъ дрожить-горитъ электричество, десять верстъ уйди, — жуть язычества; послѣ Разина — подъ припѣвъ пурги — разнесчастныя «Не бѣлы снѣги»... да самой Судьбой спѣта-дадена развеселая «Перекладина»...

Ой, Рассеюшка, про тебя пою, про тебя пою, про печаль твою!..

Ай ужъ не было свѣту-радости?.. Все печаль-тоска съ самой младости? ай одна тоска безотрадная? ай лишь тьма одна непроглядная, да надрывная скука велія?.. Али жъ не было дней веселія?.. Ай тебѣ Судьбой не было дано распьянымъ-пьяно зелено вино, влага хмельная, духъ бодрящая, въ обѣтованный рай уносящая, влага жаркая да затѣйная, ароматная да питейная?.. Ну, ушла она, расплескалася... Время знойное миновалося...

Русь, другую пѣсню я тебѣ сложу, сослужу, сложу да про мать ханжу!..

Ой, ты, Маслена, ширь былинная. Ой, ты, Маслена, рожа блинная. Пузо грешнево да сметанное, пузо хмельное, пузо пьяное.

Ворота тесовы растворяются, гости хмельные собираются. Имъ хозяинъ-другъ улыбается, имъ хозяйошка ухмыляется... Разговоръ кипитъ политическій, энергическій, экстатическій — про хлѣба, про покось, про старинушку, про солдатскую матку-спинушку, да про то, что пить не повелѣно, какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено...

А хозяинъ-другъ всерачительный, разливаешь спиртъ освѣтительный... — «Пей, компанія, кушай, честная, — влага знатная да древесная»... А хозяйошка улыбается, съ политурую разстилается... А на улицѣ бубенцы звенятъ, пѣсни слышатся молодыхъ ребятъ, пѣсни буйныя, пѣсни бурныя, пѣсни русскія, политурныя:

— Я веселенькій мальчишка, —
Крѣпокъ съ лаку на ногахъ.
Минѣ голову пробил
Въ девятнадцати мѣстахъ...
— Пригласить дружка — не срамъ:
Даль провизоръ 200 граммъ.
Подъ горой стоитъ аптека, —
Любовь сушить человѣка...

Ой, гудеть пѣсня съ перебранкою, летя, вольная, за тальянкою. То не громъ реветъ, не пурга гудеть, то по улицѣ молодежь идетъ...

Ой, ты, Русь моя, Русь безбрежная, Русь сугробная, бѣлоснѣжная, Русь веселая, Русь сумбурная, освѣтительно-политурная!.. Ой, Рассеюшка, про тебя пою, про веселую про судьбу твою, да на новый ладъ, скоморошій ладъ, про житейскій твой бытовой укладъ... А писали пѣсню, ради праздника, —

Сыновья Дрызгунова, лабазника...

ВИРШИ О БЛИНАХЪ.

„Кому чинъ,
Кому блинъ,
А кому и въ спину клинъ!“
Пословица.

Ужъ изстари межъ нами
Обычай заведенъ —
Справлять поминъ блинами
Въ дни скорбныхъ похоронъ...
Мѣнять его не станемъ, —
Пускай живетъ старикъ,
И, какъ всегда, помянемъ,
Усопшихъ горемыкъ:

Горделивый прусскій планъ
Разлетѣлся, какъ туманъ:
Ни добычи, ни побѣды,
Треску много, толку нѣтъ! —
Помянемъ!
Гдѣ «раздавленный» французъ?
— Лупитъ нѣмца... Вотъ конфузъ!
А могучій прусскій флотъ?
— Запертъ. Въ гавани гниетъ! —
Помянемъ!

Отъ колоній — ни слѣда!
(А копили ихъ — года!),
Рынковъ нѣту, жалокъ сбытъ —
Коммерсантъ по швамъ трещитъ! —
Помянемъ!

Отъ Парижа — по шеямъ,
Подъ Варшавой — тотъ же срамъ;
Галлы — давятъ, Россы — жмутъ...
Finis Prussiae! Капуть!!

Про бравыхъ австріяковъ
Не стоитъ говорить:
Ихъ жребій одинаковъ! —
Пресѣклась жизни нить!
Имъ — лютый страхъ предъ нами,
Имъ — голодь свель бока,
И кормятъ ихъ блинами
Россійскія войска!
О туркахъ — ни полслова:
Кто Господомъ убить,
Пословица сурово
Тѣхъ трогать не велитъ:
«Не подбивай клинъ
Подъ овсяный блинъ,
Поджарится —
Самъ свалится!»

Василій Князевъ.

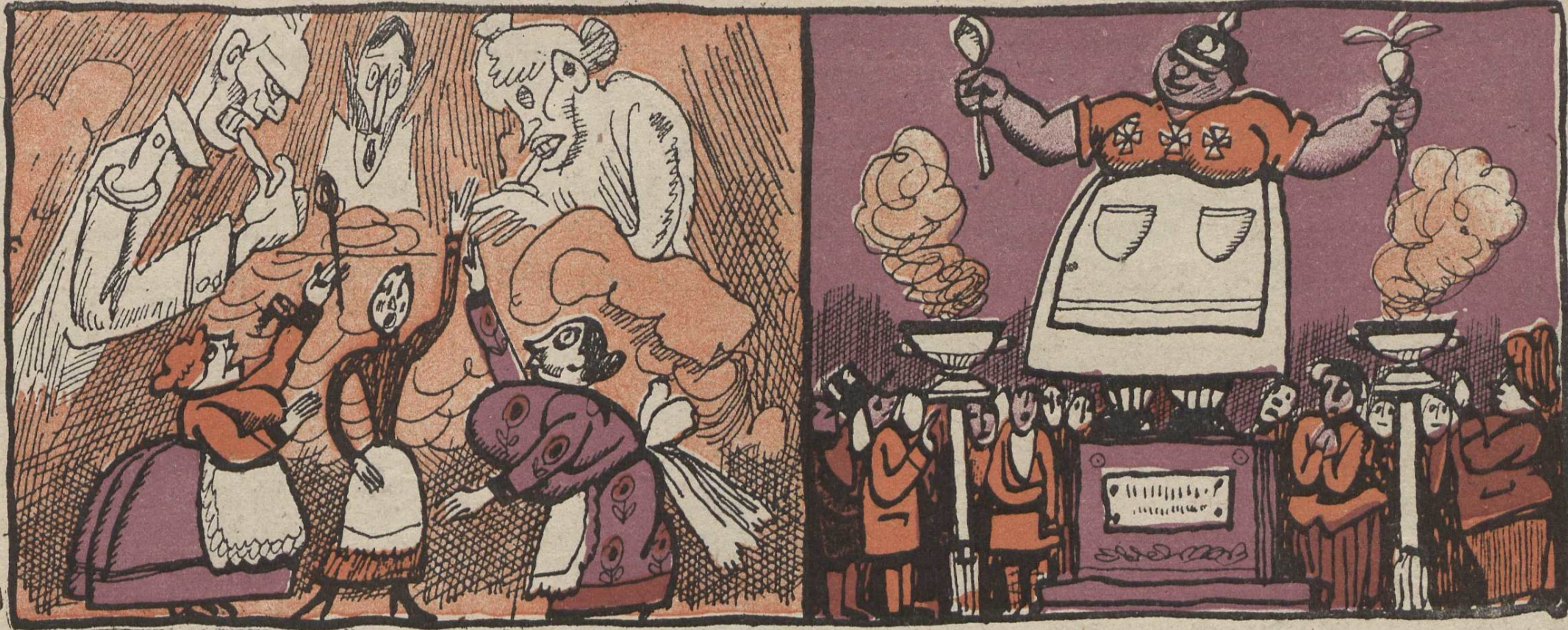
Рис. А. Радакова.

НѢМЕЦКАЯ МАСЛЕНИЦА.

Разумная экономія на кухнѣ
спасетъ Германію
(Изъ рѣчи одного профессора.)

Рис. А. Гадакова.

Нѣмецкія хозяйки поклялись чистымъ именемъ молодого картофеля спасти отечество соблюденіемъ строжайшей экономіи. Тѣни кайзера и его семьи, бѣвшія „военный хлѣбъ“, вставали передъ ними и будили въ нихъ духъ патриотизма.

И видѣли онѣ уже передъ собой чудный памятникъ, поставленный самой экономной хозяйкѣ — побѣдительницѣ русскихъ варваровъ! И стоятъ передъ памятникомъ нѣмки и нѣмцы и льютъ слезы умиленія и благодарности. И стали нѣмки проводить свою идею въ жизнь.

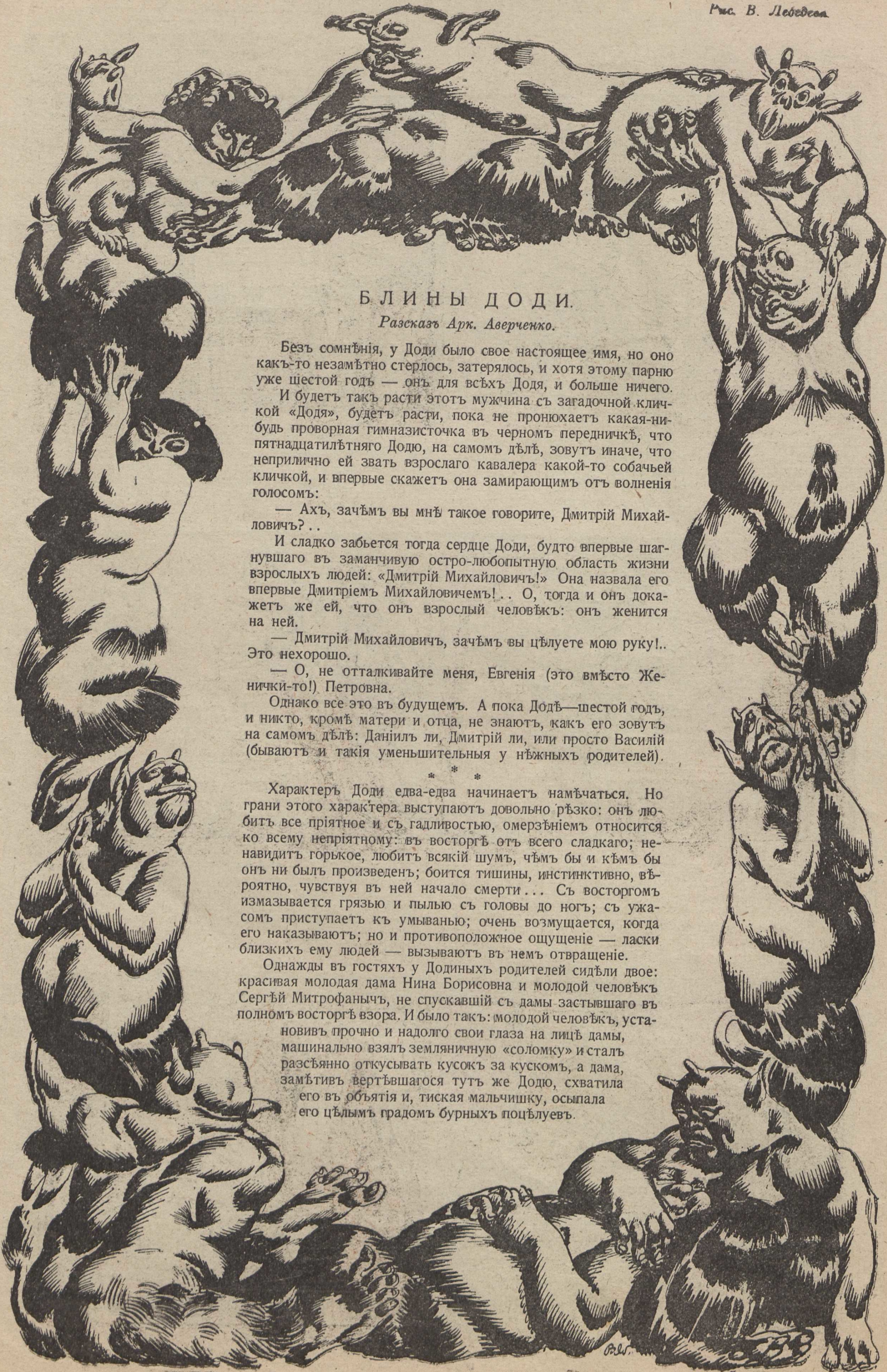
— Милая Лотхенъ, что это за странный супъ?!
— Милый Фрицъ, ты вѣдь видишь, супъ — какъ супъ. Въ немъ, какъ всегда, есть прядь волосъ нашей кухарки, прядь, которую я сама положила; не хватаетъ то ѣко мяса и овощей. О, Фрицъ! Ты развѣ забылъ кайзера, который ѣсть теперь солдатскій хлѣбъ?!

— Милая Эльза, почему твой Карлъ не видитъ молока къ своему кофе?!
— Милый Карлъ! Посмотри внимательно на этотъ бюстъ, который носитъ моя добрая, но худая сестра, и если ты — патриотъ и вспомнишь, что кайзеръ ѣсть „военный хлѣбъ“ — тебѣ уже не захочется молока, Карлъ.

— Какіе хитрые эти Кнопы!!! Позвали насъ отвѣдать свою самую жирную болонку, а сами за столомъ портретъ казака повѣсили. Знаютъ, вѣдь, свиньи, что побѣдимся подойти.

— Амалия! на что ты потратила всѣ наши сбереженія?
— На дрова, Гансъ. Очень много пошло дровъ, чтобы разварить тебѣ на завтракъ твои любимые лакированные ботинки...

БЛИНЫ ДОДИ.

Рассказ Арк. Аверченко.

Безъ сомнѣнія, у Доди было свое настоящее имя, но оно какъ-то незамѣтно стерлось, затерялось, и хотя этому парню уже шестой годъ — онъ для всѣхъ Додя, и больше ничего.

И будетъ такъ расти этотъ мужчина съ загадочной кличкой «Додя», будетъ расти, пока не пронюхаетъ какая-нибудь проворная гимназисточка въ черномъ передничкѣ, что пятнадцатилѣтняго Додю, на самомъ дѣлѣ, зовутъ иначе, что неприлично ей звать взрослога кавалера какой-то собачьей кличкой, и впервые скажетъ она замирающимъ отъ волненія голосомъ:

— Ахъ, зачѣмъ вы мнѣ такое говорите, Дмитрій Михайловичъ? ..

И сладко забьется тогда сердце Доди, будто впервые шагнущаго въ заманчивую остро-любопытную область жизни взрослыхъ людей: «Дмитрій Михайловичъ!» Она назвала его впервые Дмитріемъ Михайловичемъ! .. О, тогда и онъ докажетъ же ей, что онъ взрослый человѣкъ: онъ женится на ней.

— Дмитрій Михайловичъ, зачѣмъ вы цѣлуете мою руку!.. Это нехорошо.

— О, не отталкивайте меня, Евгения (это вмѣсто Женички-то!) Петровна.

Однако все это въ будущемъ. А пока Додѣ—шестой годъ, и никто, кромѣ матери и отца, не знаютъ, какъ его зовутъ на самомъ дѣлѣ: Даниль ли, Дмитрій ли, или просто Василій (бываютъ и такія уменьшительныя у нѣжныхъ родителей).

* * *

Характеръ Доди едва-едва начинаетъ намѣчаться. Но грани этого характера выступаютъ довольно рѣзко: онъ любитъ все пріятное и съ гадливостью, омерзѣніемъ относится ко всему неприятному: въ восторгѣ отъ всего сладкаго; ненавидитъ горькое, любитъ всякій шумъ, чѣмъ бы и кѣмъ бы онъ ни былъ произведенъ; боится тишины, инстинктивно, вѣроятно, чувствуя въ ней начало смерти... Съ восторгомъ измазывается грязью и пылью съ головы до ногъ; съ ужасомъ приступаетъ къ умыванью; очень возмущается, когда его наказываютъ; но и противоположное ощущеніе — ласки близкихъ ему людей — вызываютъ въ немъ отвращеніе.

Однажды въ гостяхъ у Додиныхъ родителей сидѣли двое: красивая молодая дама Нина Борисовна и молодой человѣкъ Сергѣй Митрофанъ, не спускавшій съ дамы застывшаго въ полномъ восторгѣ взора. И было такъ: молодой человѣкъ, установивъ прочно и надолго свои глаза на лицѣ дамы, машинально взялъ земляничную «соломку» и сталъ разсѣянно откусывать кусокъ за кускомъ, а дама, замѣтивъ вертѣвшагося тутъ же Додю, схватила его въ объятія и, тиская мальчишку, осыпала его цѣлымъ прадомъ бурныхъ поцѣлуевъ.

Додя отбивался отъ этихъ ласкъ съ энергіей утопающаго матроса, борящагося съ волнами, извивался въ нѣжныхъ теплыхъ рукахъ, толкалъ даму въ высокую пышную грудь и кричалъ съ интонаціями дорѣзываемаго человѣка:

— Пусс... ти, дура! Ос... ставь, дура!

Ему страшно хотѣлось освободиться отъ «дуры» и направить все свое завистливое вниманіе на то, какъ разсѣянный молодой человѣкъ поглощаетъ земляничную соломку. И Додѣ страшно хотѣлось быть на мѣстѣ этого молодого человѣка, а молодому человѣку еще больше хотѣлось быть на мѣстѣ Доды. И одинъ, отбиваясь отъ нѣжныхъ объятій, а другой, печально похрустывая земляничной соломкой, съ бѣшеной завистью поглядывали другъ на друга.

Такъ—слѣпо и нелѣпо распредѣляетъ природа дары свои.

Однако справедливость требуетъ отмѣтить, что молодой человѣкъ, въ концѣ концовъ, добился отъ Нины Борисовны такихъ же ласкъ, которыя получилъ и Додя. Только молодой человѣкъ вель себя совершенно иначе: не отбивался, не кричалъ: «оставь, дура», а тихо и безропотно, съ оттѣнкомъ даже одобренія покорился своей вѣковѣчной мужской участи...

Кромѣ перечисленныхъ Додиныхъ чертъ, въ характерѣ его есть еще одна черта: онъ — страшный пріобрѣтатель. Черта эта тайная, онъ не выказываетъ ее. Но увидѣвъ, напримеръ, какой-нибудь красивый домъ, шепчетъ себѣ подъ носъ: «хочу, чтобы домъ былъ мой». Лошадь ли онъ увидитъ, первый ли снѣжокъ, выпавшій на дворѣ, или приглянувшася ему городского, — Додя, шмыгнувъ носомъ, сейчасъ же прошепчетъ: «Хочу, чтобы лошадь была моя; чтобы снѣгъ былъ мой; чтобы городской былъ мой».

Рыночная стоимость желаемаго предмета не имѣетъ значенія... Однажды, когда Додина мать сказала отцу: «А, знаешь, докторъ нашель у Марины Кондратьевны камни въ печени», — Додя сейчасъ же прошепталъ себѣ подъ носъ: «хочу, чтобы у меня были камни въ печени».

Славный, безкорыстный ребенокъ.

* * *

Когда мама, поглаживая шелковистый Додинъ затылокъ, сообщила ему:

— Завтра у насъ будутъ блины...

Додя не преминулъ подумать: «хочу, чтобы блины были мои», и спросилъ вслухъ:

— А что такое блины?

— Дурачокъ! Развѣ ты не помнишь, какъ у насъ были блины въ прошломъ году?

Глупая мать не могла понять, что для пятилѣтняго ребенка протекшій годъ — это что-то такое громадное, монументальное, что, какъ Монбланъ, заслоняетъ отъ его глазъ предыдущіе четыре года. И съ годами эти Монбланы все уменьшаются и уменьшаются въ ростѣ, дѣлаются пригорками, которые не могутъ заслонить отъ зоркихъ глазъ зрѣлаго человѣка его богатаго прошлаго, ниже, ниже дѣлаются пригорки, пока не останется одинъ только пригорокъ — увѣнчанный каменной плитой, да покосившимся крестомъ.

Годъ жизни наглухо заслонилъ отъ Доды прошлогодніе блины. Что такое блины? Ѣдятъ ихъ? Можно ли на нихъ кататься? Можетъ, это народъ такой — блины? Ничего, въ концѣ концовъ, неизвѣстно.

Когда кухарка Марья ставила съ вечера опару — Додя смотрѣлъ на нее съ почтительнымъ удивленіемъ и даже, боясь втайнѣ, чтобы всемогущая кухарка не раздумала почему-нибудь дѣлать блины, — искательно почистилъ ручонкой край ея черной кофты, вымазанной мукой.

Этого показалось ему мало:

— Я люблю тебя, Марья, — признался онъ дрожащимъ голосомъ.

— Ну, ну. Ишь, какой ладный мальчущечка.

— Очень люблю. Хочешь, я для тебя у папы папиросокъ украду?

Марья дипломатично промолчала, чтобы не быть замѣшанной въ назрѣвающей уголовщинѣ, а Додя вихремъ помчался въ кабинетъ и сейчасъ же принесъ пять папиросокъ. Положилъ на край плиты.

И снова дипломатичная Марья сдѣлала видъ, что не замѣтила награбленнаго добра. Только сказала ласково:

— А теперь иди, Додикъ, въ дѣтскую. Жарко тутъ, братикъ.

— А блины-то... будутъ?

— А для чего жъ опару ставлю!

— Ну, то-то.

Уходя, подкрѣпилъ на всякій случай:

— Ты красивая, Марья.

Положивъ подбородокъ на край стола, Додя надолго застылъ въ нѣмомъ восхищеніи...

Какія красивыя тарелки! Какая чудесная черная икра... Что за поражающая селедка, убранныя зеленымъ лукомъ, свеклой и маслинами. Какая красота — эти плотныя, слежавшіяся сардинки. А въ развалившуюся на большой тарелкѣ неизвѣстную нѣжно-розовую рыбу Додя даже ткнулъ пальцемъ, спрятавъ моментально этотъ палецъ въ ротъ съ дѣланно-разсѣяннымъ видомъ... (— Гмъ!.. Соленое.)

А впереди еще блины — это таинственное странное блюдо, ради котораго собираются гости, дѣлается столько приготовлений, вызывается столько хлопотъ.

— «Посмотримъ, посмотримъ, — думаетъ Додя, бродя вокругъ стола. — Что это тамъ у нихъ за блины такіе?..»

Собираются гости...

Сегодня Додя первый разъ посаженъ за столъ вмѣстѣ съ большими, и поэтому у него широкое поле для наблюдений. Сбиваетъ его съ толку поведеніе гостей.

— Анна Петровна—семги!—настойчиво говоритъ мама.

— Ахъ, что вы, душечка, — ахаетъ Анна Петровна. — Это много! Половину этого куска. Ахъ, нѣтъ, я не съѣмъ.

— «Дура», — рѣшаетъ Додя.

— Спиридонъ Ивановъ! Рюмочку наливки. Сладенькой, а?

— Нѣтъ, ужъ я лучше горькой рюмочку выпью.

— «Дуракъ!» — удивляется про себя Додя.

— Семень Афанасьичъ! Вы, право, ничего не кушаете!..

— «Врешь», — усмѣхается Додя. — «Онъ ѣлъ больше всѣхъ. Я видѣлъ».

— Сардинки? Спасибо, Спиридонъ Ивановъ. Я ихъ не ѣмъ.

— «Сумасшедшая какая-то, — вздыхаетъ Додя. — Хочу, чтобы сардинки были мои»...

Марина Кондратьевна, та самая, у которой камни въ печени, беретъ на кончикъ ножа микроскопическій кусочекъ паюсной икры и намазываетъ икрой микроскопическій кусочекъ хлѣба.

— «Ишь ты, — думаетъ Додя. — Навѣрное, боится побольше-то взять: мама такъ по рукамъ и хлопнетъ за это. Или просто задается, что камни въ печени. Рохлая».

Подаютъ знаменитые долгожданные блины.

Всѣ со звѣрскимъ выраженіемъ лица набрасываются на нихъ. Набрасывается и Додя. Но тотчасъ же опускаетъ голову въ тарелку и, купая локонъ темныхъ волосъ въ жидкомъ маслѣ, горько плачетъ.

— Додикъ, милый, что ты? Кто тебя обидѣлъ?!

— Бли... ны...

— Ну? Что блины? Чѣмъ они тебѣ не нравятся?

— Такіе... круглые...

— Господи... Такъ что жъ изъ этого? Обрѣжу тебѣ ихъ по краямъ, — будутъ четырехугольные...

— И со сметаной...

— Такъ можно безъ сметаны, чудачина ты!

— Такъ они тѣстяные!

— А ты какіе бы хотѣлъ? Бумажные, что ли?

— И... не сладкіе.

— Хочешь, я тебѣ сахаромъ посыплю?

Тихій плачь переходитъ въ рыданіе. Какъ они не хотятъ понять, эти большіе тупоголовые дураки, что Додѣ блины просто не нравятся, что Додя разочаровался въ блинахъ, какъ разочаровывается взрослый человѣкъ въ жизни! И никакимъ сахаромъ его не успокоить. Плачетъ Додя.

Боже! Какъ все это красиво, чудесно началось — все, начиная отъ опары и вкуснаго блиннаго чада — и какъ все это пошло, обыденно кончилось: Додю выслали изъ-за стола.

* * *

Гости разошлись.

Измученный слезами, Додя прикурнулъ на маленькомъ диванчикѣ. Отыскавъ его, мать беретъ на руки отяжелѣвшее отъ дремоты тѣльце и ласково шепчетъ:

— Ну, ты... блиноѣдъ африканскій... Наплакался?

И тутъ же, обращаясь къ отцу, перебрасываетъ свои мысли въ другую плоскость:

— А знаешь, говорятъ, Антоновскій получилъ отъ Мра-зича оскорбленіе дѣйствіемъ.

И, подымая отяжелѣвшія вѣки, съ усиленіемъ, шепчетъ обу-реваемый пріобрѣтательскимъ инстинктомъ Додя: — Хочу, чтобы мнѣ было оскорбленіе дѣй-ствіемъ.

Тихо мерцаетъ въ дѣтской красная лампадка. И еще слегка пахнетъ всепроникающимъ блин-нымъ чадомъ...

Арк. Аверченко.

Что я дровъ сожгла —
Все блины пекла!
Что-то мой блинокъ
Не румянится! —
Меня милъ дружокъ
Дождитса!
Не досугъ блины пекти —
Время къ милому итти!

Я поѣмъ блинковъ съ снѣткомъ,
Я поѣмъ снѣтковъ съ блинкомъ.
Ѣмъ съ икоркою, Ѣмъ съ икоткою,
Съ груздемъ съ балыкомъ да съ водкою!
Обожрюсь блинкомъ —
Отмолюсь постомъ.
Я не голъ шеголь —
Чай, купецкій сынъ.

Ой, дрень-дрень-дрень дребедень,
Ты прощай, прощенный день!
Мнѣ не штофсмъ бы кончать, —
Мнѣ бы съ четверти начать!
Въ ноги міру поклонюсь,
Во грѣхахъ повинюсь!
Я и пилъ да и гудяль,
На балалаечкѣ игралъ.

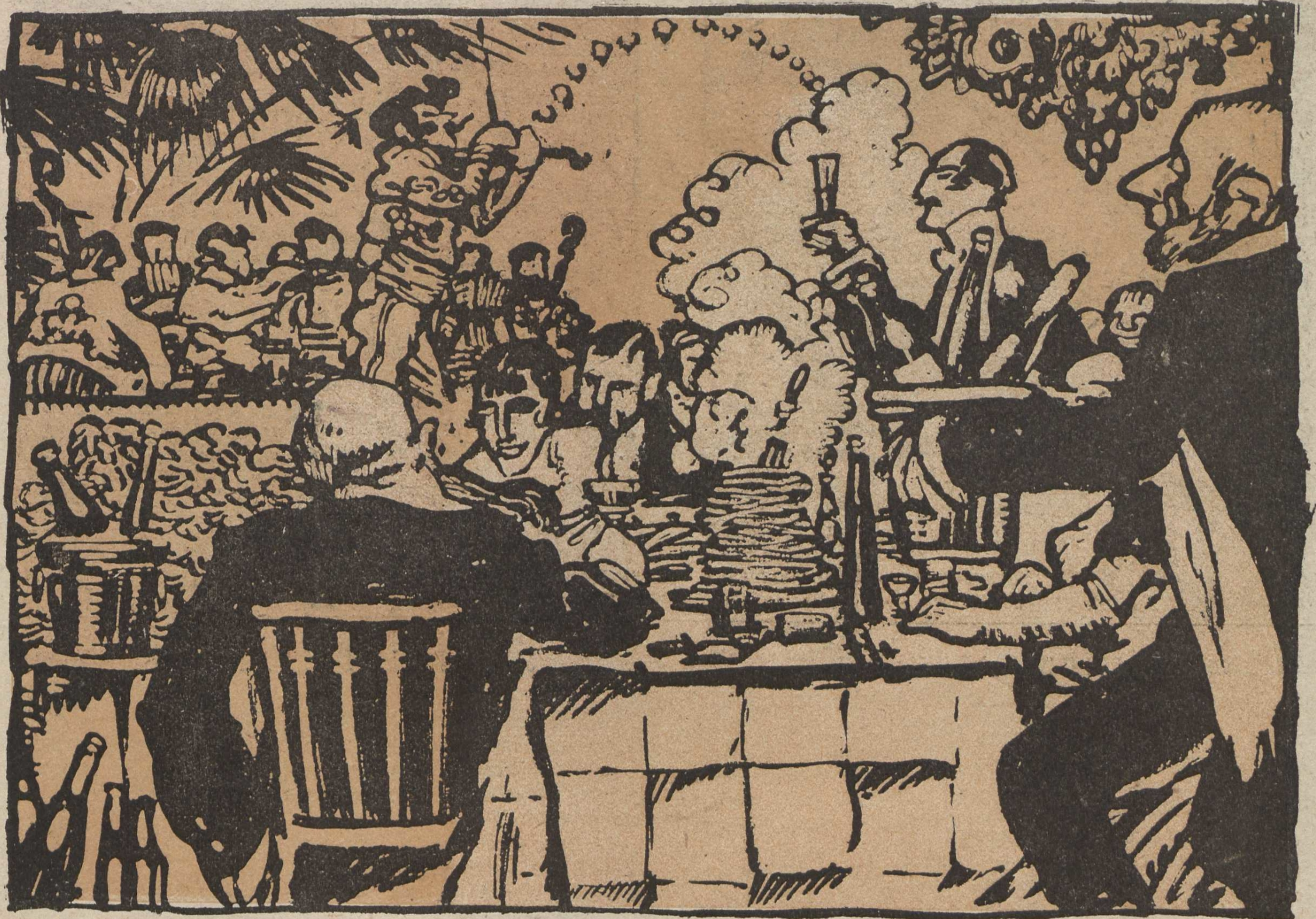
Какъ и есмь я змій зеленый —
Берегись, народъ крешеный!
Есмь я злѣ всякаго буки,
Егда возьму тебя въ свои руки!
Съ приснымъ моимъ, съ чертомъ лиловымъ,
Подбираюсь я къ непутевымъ...
Какъ схвачу — только мокреть останется,
А покуда что — до свиданьица!

Потемкинъ.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

(Рисунокъ, который можетъ заставить заплакать чувствительнаго человѣка.)

Рис. Ре-ми.

КАКЪ МЫ ПРАЗДНОВАЛИ ЕЕ РАНЬШЕ...

КАКЪ МЫ ПРАЗДНУЕМЪ ЕЕ ТЕПЕРЬ...

НОВЫЙ ТРЕЗВЕННИКЪ.

Депутатъ. — Позвольте вамъ помочь пройти черезъ Думу!
 Бюджетъ. — Благодарю васъ, теперь я твердо стою на ногахъ.

СУДАРЫНЯ-МАСЛЕНИЦА.

На запаренныхъ коняхъ
 Лихо катить во саняхъ
 Сударыня-масленица...

Въ рудозарномъ сарафанъ
 Снопъ соломенный, — душа...
 Всѣ валитесь, дѣвки, въ сани!
 Ой, и какъ же хороша
 Сударыня-масленица!..

Въ правой блинъ, а въ лѣвой штофъ —
 Чортъ ли, батяка... — будь здоровъ!
 Сударыня-масленица!..

Порошить тихунъ-снѣжочекъ,
 И морозъ носы натеръ;
 Изъ плетней да старыхъ бочекъ
 Сложимъ мы тебѣ костеръ,
 Сударыня-масленица!..

Больно ты шумна была,
 Разудала, весела,
 Сударыня-масленица!..

Съ понедѣльника за кашу —
 За горшкомъ поидеть ухватъ —
 Ты послушай пѣсню нашу
 Да займися — пѣснѣ въ ладъ,
 Сударыня-масленица!..

Ничего — гармонь съ дырой, —
 Былъ бы голосъ не хворой.
 Сударыня-масленица!..

«Шли солдаты изъ-за Дона,
 Ай-люли, ай-люли!
 Несли ружья заряжены,
 Лѣсъ зажгли — тебя сожгли,
 Сударыня-масленица»...

Мокрогубая, гори
 Вплоть до самой до зари,
 Сударыня-масленица!..

Пропадешь ты вмѣстѣ съ дымомъ,
 И зароемъ пепель въ снѣгъ.
 Проходи тамъ ночью мимо, —
 Тамъ, вѣдь, добрый человекъ
 Сударыня-масленица!..

Александръ Рославлевъ.

УПРЯМЫЙ СТАРИКЪ.

Сибиряковъ попробовалъ начать издалека. Взявъ въ руки специально положенный для этого календарь, онъ раскрылъ его на январѣ, провелъ пальцемъ отъ Новаго года до двадцать шестого числа и, остановившись на этомъ числѣ, глубоко вздохнулъ.

— Аркадіусъ сумъ, — сказалъ онъ.

— Знаю, — спокойно отвѣтилъ докторъ.

Лицо Сибирякова вдругъ вытянулось, глаза заискрились глубокимъ изумленіемъ.

— Не вѣрю! Не вѣрю этому колоссальному совпадению! Докторъ! Двадцать шестого начинается масленица!

— Вамъ виднѣе, вы въ календарь смотрите.

— И это для васъ безразлично?

— Вполнѣ.

— Но, вѣдь я — Аркадій и, слѣдовательно, именинникъ тоже двадцать шестого.

— Совпаденіе не изъ удивительныхъ.

— Потому что вы не Аркадій. Будемъ, докторъ, говорить прямо. Весь городъ знаетъ, что, въ свое время, вы были первымъ пьяницей въ губерніи и, слѣдовательно, вы поймете, вы обязаны понять меня съ полуслова. Позвольте же узнать, долженъ я устроить свои именины? Долженъ. Ибо — традиція. Хорошо. Устраиваю. Собираются гости. Садятся за столъ. Прекрасно. Позвольте теперь узнать, что я поставлю на столъ? Ясное дѣло, что — водку. Хотя бы одну бутылку водки.

Докторъ вкочилъ, впился горящимъ взглядомъ въ Сибирякова и нервно спросилъ:

— Что-съ?

— Не что-съ, а водку. Долженъ я ее поставить?

— Онъ еще спрашиваетъ!

— Хорошо, я поставлю. Я могу поставить и не одну бутылку. Я могу украсить столъ цѣлой четвертью. Вы понимаете: цѣлой четвертью двадцатитрехлѣтней наливки!

Докторъ лихорадочно вынулъ изъ кармана записную книжку.

— День вашихъ именинъ двадцать шестого? Хорошо, спасибо, я обязательно приду. Я никогда не ожидалъ съ вашей стороны такого благороднаго поступка. Съ раннего утра приду!

Сибиряковъ облегченно вздохнулъ.

— Восхитительно. Значить, вы мой союзникъ. Давайте доставать водку. Ваше удивленіе понятно для меня, докторъ. Я переживаю ужаснѣйшую трагедію: знаю, что у меня есть водка, знаю — и все-таки у меня ея нѣтъ.

— Не томите же, — застоналъ докторъ.

— Скажу. Прежде всего вы должны знать, что у меня есть отецъ. Прибавимъ къ этому, что въ 17-мъ году я праздную свою серебряную свадьбу. Прошу сопоставить два этихъ событія и сдѣлать свой выводъ. Изволите молчать? А выводъ ужасный. Ровно 23 года тому назадъ, въ день моей свадьбы, отецъ зарылъ въ саду четверть наливки, давъ слово,

что отроетъ ее черезъ 25 лѣтъ, въ день моей серебряной свадьбы. До іюля я относился къ этому факту совершенно безразлично: зарыта—и пускай. Но въ іюлѣ событія перемѣнились. Въ августѣ я вспомнилъ о зарытой четверти, въ сентябрѣ я только и думалъ о томъ, чтобы получить ее; октябрь и ноябрь я умолялъ отца указать, гдѣ спрятана бутылка; декабрь и январь я, точно воръ рыль по ночамъ нашъ садъ. Докторъ, моя трагедія заключается въ томъ, что надо изрыть три десятины.

— Я пришлю рабочихъ! — крикнулъ докторъ.

— Безцѣльно. Отецъ — старинный человѣкъ: если прятать, то глубоко. Я увѣренъ, что до бутылки не меньше сажени. Скажите, сколько нужно рабочихъ, чтобы ночью вырыть саженную яму и снова закрыть ее... Безцѣльно.

Докторъ зло засмѣялся.

— Вашъ отецъ престранный человѣкъ.

— Согласенъ, — вздохнулъ Сибиряковъ.

— Вашъ отецъ обязанъ сказать, гдѣ зарыта наливка.

— Онъ упрямъ, какъ... ну, знаете... этотъ...

— Онъ, извините за выраженіе, — собака на снѣгъ...

— Обидно, но вѣрно.

— Вырвите съ языкомъ у него признаніе!

— Докторъ, я васъ за этимъ и пригласилъ. На вашей визитной карточкѣ значитъ, что вы занимаетесь гипнозомъ и внушеніемъ... Загипнотизируйте его, докторъ, внушите ему, что нѣтъ ничего безцѣльнѣе его упрямства.

Докторъ тяжело поднялся.

— Ведите меня къ вашему отцу.

Они перешли въ сосѣднюю комнату. Подлѣ окна сидѣлъ маленькій синеносый старикашка съ печенымъ яблокомъ вмѣсто лица.

— Здравствуйте, папашечка, — подобострастно сказалъ Сибиряковъ.

— Здорово, — отвѣтило печеное яблоко.

— Познакомьтесь, папашечка, съ замѣчательнымъ человѣкомъ. Мой другъ и пріятель.

Старикъ протянулъ руку.

— Знакомиться радъ, — сказалъ онъ, — но только на одномъ условіи: чтобы вы ни однимъ словомъ не обмолвились о зарытой бутылкѣ.

— Это почему же? — нахмурился докторъ.

— Надоѣло, дорогушечка. Сыночекъ мой, Аркадіусъ, каждый день ко мнѣ знакомыхъ водить, все упрасиваютъ открыть секретъ (старикашка захихикалъ), а я крѣпокъ какъ скала. Сказано: въ серебряную свадьбу и — конецъ. Тутъ помѣщикъ Пустолаевъ на колѣняхъ умолялъ. По полу ползалъ... Хи-хи... А я, хи-хи... крѣпокъ... Мое слово — дѣло.

Докторъ отозвалъ въ сторону Сибирякова.

— Препоганый старикашка, — сказалъ онъ.

— Мразь, — согласился Сибиряковъ.

— И у этой куклы спрятана цѣлая четверть!

— Четверть темно-красной, какъ запекшаяся кровь наливки.

— Дѣточка, — загнусавилъ старикашка, — приподними папочку, переведи его поближе къ себѣ, а то онъ не слышитъ вашей пріятной бесѣды.

— Сейчасъ.

Нагнувшись къ доктору, Сибиряковъ зашепталъ:

— Издѣвается! Чувствуетъ, подлый, что мы у него въ рукахъ, и издѣвается! Подъ руки водимъ злодѣя! Ходить разучился отъ нашихъ выплясываній. Понимаете, войдемъ иногда къ нему въ комнату, а онъ, точно пьяный, подняться съ кресла намъ навстрѣчу не можетъ! Здорово?

— Что жъ, покончимъ?

— Вѣкъ благодаренъ буду.

— Хорошо. Мы его сразу вывернемъ наружу. Эй, ты, старикашка!

Отецъ даже подпрыгнулъ въ креслѣ.

— Аркадіусъ, это что же, дѣточка, за тонъ? Гостикъ-то твой что дѣлаетъ?

Вмѣсто отвѣта, Сибиряковъ отвернулся и отошелъ къ двери.

— Слушай, старикъ, — сказалъ докторъ, — я съ тобой церемониться не стану. Садись. Не трогайся. Сломаю.

Забившись въ кресло, отецъ испуганно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ доктора.

— Ну, я категорически требую отвѣта! Говори, куда спряталъ четверть?

— Не скажу, — тихо отвѣтилъ старикъ.

— Я требую, ты это слышишь, — требую. Сообрази только, какую идиотскую комедію ты ломаешь, басаврюкъ несчастный! Вѣдь мы полгода не пили ничего, кромѣ чая и

какого-то ситро! Пойми, что цѣлыхъ полгода мы даже не нюхали самой скверной водки! И ты думаешь, что мы будемъ церемониться съ тобой, ты воображаешь, что мы будемъ, какъ твой дурацкій помѣщикъ, ползать передъ тобой?

Окончательно сбитый съ толку неожиданнымъ нападеніемъ доктора, — тономъ, который приходилось ему слышать первый разъ въ жизни, — растерявшійся, сознающій свою полную безпомощность отецъ заморгалъ глазами, заерзалъ въ креслѣ и вдругъ, неожиданно для всѣхъ, вскочилъ съ кресла и бросился къ двери. Короткимъ движеніемъ руки доктора онъ сразу же былъ возвращенъ на прежнее мѣсто.

— Слушай, — продолжалъ докторъ, — ты можешь считать меня нахаломъ и негодеемъ, — какъ же, я не уважаю твою старость, я «ты-каю», я чуть не дерусь, — считай меня кѣмъ и чѣмъ хочешь, — но знай, что я еще чертовски вѣжливъ съ тобой! Сознаешь ли ты, что твоимъ издѣвательствомъ нѣтъ мѣры? Мы страдаемъ, мы облизуемся, мы копаемъ каждую пядь земли и ты, — о-о-о, — молчишь!

— Молчу, — прошепталъ старикъ.

— Скажешь?

— Нѣтъ.

— Скажешь, чортъ тебя раздери!?

— Ннннѣтъ!

Докторъ медленно подошелъ къ старику и впился въ него злымъ взглядомъ.

— Говори.

Молчаніе.

— Сейчасъ я ударю тебя по правой щекѣ.

— Аркадіусъ, — прошепталъ старикъ, — Аркадіусъ, вырочи.

— Довольно; — закричалъ Сибиряковъ, — къ чорту водку! Къ дьяволу наливку! Наплевать на старика!

— Ну, ужъ это вы извините, — холодно отвѣтилъ докторъ, — разъ мнѣ поручено узнать тайну, — я ее узнаю. Отказываетесь отъ наливки, — тѣмъ лучше, но я ее получу! Шею себѣ сверну, а получу!

Старикъ, очевидно, только что пережившій страшную внутреннюю борьбу, приподнялся и тяжело дыша сказалъ:

— Спасибо, Аркадіусъ... Я скажу...

— Скажете! Докторъ, онъ скажете!

— Посмотрѣлъ бы я, какъ онъ не сказалъ бы.

Старикъ замѣлся.

— Скажу, миллошечка. Раньше все молчалъ, а теперь скажу. По правой щекѣ папашечку? А потомъ по лѣвой? Скажу, непременно скажу-съ. Такъ я долженъ сказать, гдѣ то мѣсто, куда спрятана четверть той самой наливки, которую я берегъ для серебряной свадьбы Аркадіуса? Такъ дѣтка, такъ, гостикъ дорогой?

— Конечно же такъ, чортъ возьми.

— Извольте. Наливка вотъ гдѣ.

Дрожа отъ смѣха, старикъ указалъ на свой животъ.

— Выпилъ? — закричалъ Сибиряковъ.

— Выпилъ, сыночекъ. Открылъ и выпилъ. Три мѣсяца, сыночекъ, по рюмочкѣ пилъ. Что бы тебѣ молчать про нее, — я бы и не вспомнилъ. А то, что ни день, то «папашечка, гдѣ, миленькій, наливочка?» А у папашечки сердце не каменное... Папашечка выкопалъ и выпилъ.

Сибиряковъ съ нескрывемой ненавистью посмотрѣлъ на отца.

— Одинъ! Цѣлую четверть! — сказалъ онъ. — Ни одной рюмки единственному сыну! Э-эхъ!..

— Носорогъ! — донеслось изъ того угла, въ которомъ стоялъ докторъ.

Старикашка тихо смѣялся...

Евграфъ Дольскій.

Рис. А. Р.

Рис. А. Радакова.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Издѣліе изъ дуба.

Германская печать не перестаетъ превозносить до небесъ достоинства генерала Гинденбурга. Недавно въ „Kreuz-Zeit.“ появился новый панегирикъ этому „національному герою“ Германіи. По мнѣнію газеты, Гинденбургъ совмѣстилъ въ себѣ упорство и спокойствіе Фридриха Великаго, стратегическій геній Наполеона и простоту и рѣшительность стараго Мольтке. Онъ сдѣланъ, — говоритъ газета, — изъ того же дерева — дуба, что и Лютеръ и Бисмаркъ.

Выходитъ такъ, что Германія хочетъ прославиться своими издѣліями изъ дуба.

Пусть прославятся. Это можно.

Золотоносная жила.

Чрезвычайно характерно для обрисовки той степени беззабѣнности, которую проявляютъ германскія власти, стремясь увеличить золотую наличность имперскаго банка, является приведенное газетою „Фремденблатъ“ сообщеніе, что командный составъ IX германскаго корпуса увеличивалъ срокъ рождественскаго отпуска для солдатъ, при условіи доставленія нижними чинами въ распоряженіе военныхъ властей извѣстнаго количества золотыхъ монетъ.

Прежде знали терминъ „побѣдоносная армія“; теперь новый терминъ изобрѣли хитрые нѣмцы: „золотоносная армія“.

Хлѣбъ, какъ лѣкарство.

До сихъ поръ мы любили заимствовать все у нѣмцевъ. Теперь нѣмцы заимствуютъ кое что у насъ. Мы рѣшили продавать въ аптекахъ спиртъ — и то только для больныхъ; нѣмцы рѣшили продавать въ аптекахъ хлѣбъ — и то только для больныхъ.

Кельнскій городской совѣтъ рѣшилъ въ будущемъ печь только ржаной хлѣбъ.

Что же касается пшеничнаго хлѣба, то послѣдній будетъ изготавляться исключительно для больныхъ.

При этомъ кельнскій городской совѣтъ постановилъ, что, въ случаѣ, если будутъ констатированы злоупотребленія, то продажа пшеничнаго хлѣба будетъ производиться только въ аптекахъ и выдаваться по рецептамъ врачей.

Можно еще больше ограничить продажу хлѣба... На-

примѣръ: при выдачѣ фунта хлѣба нѣмцу отрѣзывается одинъ палецъ, при выдачѣ второго фунта — другой. Такимъ образомъ, каждый нѣмецъ можетъ уничтожить не болѣе полпузда хлѣба, послѣ чего всякій аппетитъ у него, у нѣмца, долженъ пропасть. Эта мѣра хороша тѣмъ, что не всякій на нее пойдетъ, а, слѣдовательно, и будутъ сохранены большіе запасы хлѣба.

Два рода повязокъ.

„Times“ сообщаетъ:

Нѣмцы, съ цѣлью пріобрѣсти расположеніе турокъ и произвести благоприятное впечатлѣніе на турецкія массы, убѣдили турокъ въ своемъ переходѣ въ магометанство. Нѣмцы ходятъ въ мечети и дѣлаютъ видъ, что молятся, а у мечети ставятъ нѣмецкихъ часовыхъ. По словамъ лицъ, вернувшихся изъ Яффы, нѣмецкіе офицеры носятъ на рукахъ повязки, на которыхъ нашита надпись: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его“.

Въ Константинополѣ назрѣваетъ уже такое время, когда турецкіе нѣмцы получаютъ повязку не на руку, а на шею... И безъ всякой надписи будутъ эти повязки.

Пальцемъ въ небо.

Нѣкоторые авторитеты утверждаютъ, что нѣмцы до войны тщательно изучили своихъ будущихъ враговъ — русскихъ...

Вотъ образецъ ихъ изученія (прокламаціи, подбрасываемыя нашимъ солдатамъ):

„Русскіе солдаты. Уже многіе магометане, царскіе подданные, получили приглашеніе царьградскаго халифа. Жители Кавказа приготовляются къ явному бунту. Исламъ объявилъ русскимъ и всѣмъ ихъ сторонникамъ священную войну. Вы, кавказскіе русскіе солдаты, уральскіе и оренбургскіе казаки, мы приносимъ вамъ вѣсть, что ваши братья по примѣру вашихъ отцовъ ведутъ священную войну противъ Царя и его союзниковъ такъ, какъ и отъ васъ требуетъ это вѣра магометанская“.

На поляхъ бурсацкихъ книгъ дѣлались въ свое время такія ехидныя замѣчанія:

Кто писалъ — не знаю,

А я, дуракъ, читаю.

Въ данномъ случаѣ выходитъ наоборотъ: что писалъ дуракъ — всякій знаетъ, и поэтому никто этого не читаетъ.

Цѣна денатурата.

Вотъ случай, наглядно иллюстрирующій повышеніе цѣнъ на продукты первой необходимости:

Рабочій по устройству городского спуска для ѣздовой дороги, Иванъ Бычковъ, 19 лѣтъ, поспорилъ съ товарищемъ на бутылку денатурированнаго спирта, что отрубитъ топоромъ палецъ.

Пари было принято, и Бычковъ отрубилъ себѣ мизинецъ на лѣвой рукѣ.

Раньше, чтобы выразить свое презрѣніе къ чему-нибудь, говорили:

— Онъ мизинца моего не стоитъ.

Теперь же Бычковъ нашелъ, что бутылка спирта стоитъ его мизинца.

Бѣдный мизинецъ! Миръ твоему праху. Спи спокойно, честный труженикъ, и помни, что за дурной головой и рукамъ плохо...

Чудеса въ рѣшетѣ.

Намъ прислали афишу изъ г. Покровска, Самарск. губ. Вотъ какія заманчивыя вещи въ ней обѣщаны:

Комическіе кукольные дивертисменты
сильно-уморительный смѣхъ и забава.

Также приготовленіе изъ одного куриного яйца яишницы въ фуражкѣ, взятой у публикѣ (?)

Безпрерывный страшный смѣхъ публики.

Новость! ГИПНОТИЗМЪ молодой юноши,
спящей въ воздухѣ.

Какая молодая юноша сочиняла такую афишу — тайна.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу 16-ое изданіе книги Аркадія Аверченко

„КРУГИ ПО ВОДѢ“.

Изданіе богато иллюстрировано. Обложка работы художника РЕ-МИ. Цѣна книги 1 руб. 25 коп.

Содержаніе:

Двуличный мальчишка. Иллюстр. А. Радакова.—Раздвоеніе личности.—Чадъ. Иллюстр. А. Юнгера.—Сазоновъ.—Курильщики опиума. Иллюстр. Ре-ми.—Языкъ. Иллюстр. В. Лебедева.—Цѣпная собака.—Повесть на большія раз тоянія. Иллюстр. А. Радакова.—Горничная изъ большого дома. Иллюстр. А. Радакова.—Неудачная антреприза. Иллюстр. А. Юнгера.—Какъ меня обворовывали. Иллюстр. Ре-ми.—Я и мой дядя. Иллюстр. А. Радакова.—Молнія. Иллюстр. А. Юнгера.—Свой крестъ.—Дураки, которыхъ я зналъ. Иллюстр. Ре-ми.—Мужчины. Иллюстр. А. Юнгера.—Новы Соломонъ. Иллюстр. А. Юнгера.—Мокрица.—Случай 24-го Декабря. Иллюстр. Н. Герардова.—Граждане. Иллюстр. Н. Герардова.—Лакмусовая бумажка. Иллюстр. Н. Яковлева.—Трудолюбивый Харлампьевъ. Иллюстр. Ре-ми.—Революционеръ. Иллюстр. Ре-ми.—Принципъ. Иллюстр. В. Лебедева.—Животное. Иллюстр. А. Юнгера.—Праздникъ любви. Иллюстр. А. Юнгера.—Призваніе. Иллюстр. А. Яковлева.—Старики. Иллюстр. А. Юнгера.

ДОБРЫЕ САТИРИКОНЦЫ ОСЫПАЮТ ПОДПИСЧИКОВЪ НА 1915 ГОДЪ ПОДАРКАМИ.

(Символическая картина.)

3-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
на еженедельный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

52 НОМЕРА РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА. Журналъ печатается на плотной глазированной бумагѣ. Нѣкоторые номера въ 8—9 красокъ.

Въ теченіе года будетъ дано около 800 рисунковъ и карикатуръ; проза, стихи лучшихъ русскихъ литераторовъ и юмористовъ.

3 ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ: **3**
ТОМЪ „БОРДОВАЯ КНИГА“.

О ВОЙНѢ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ДЕРЖАВЪ. (Причины войны. Кѣмъ она вызвана. Поведеніе Вильгельма. Подвиги нѣмцевъ Австріи, какъ таковыя. Теченіе войны — и проч.)

НВ. Сатириконцы отнесутся къ „Бордовой книгѣ“ съ подобающей серьезностью.

КНИГА-АЛЬБОМЪ „ОСИНОВЫЙ КОЛЪ“.

НА МОГИЛУ ЗЕЛЕНАГО ЗМІЯ. Роскошно иллюстрированное изданіе. (Исторія пьянства въ Россіи. Типы пьяницъ. Борьба съ пьянствомъ и проч.)

КНИГА „ПИСЬМОВНИКЪ Нов. Сатирикона“.

Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ, а также танцевальныхъ разговоровъ.

Изученіе этой книги явится лучшимъ способомъ для подписчика „Новаго Сатирикона“ приобрести въ обществѣ такой вѣсь и значеніе, которые выовутъ въ окружающихъ восхищеніе и изумленіе, съ примѣсью легкой тревоги.

Журналъ „Новый Сатириконъ“ будетъ выходить при участіи слѣд. сотрудниковъ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добужинскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кудоліевъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), Н. Радловъ, А. Спасскій, Судейкинъ, С. Чехонинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Аве), В. Азовъ, К. Антиповъ (А. Зарницинъ), Ал. Будищевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, В. В. Воиновъ, Евг. Зѣвскій, Сергій Горный, Сергій Городецкій (Сатиръ), А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Горянский, Осипъ Дымовъ, Дальскій, А. Измайловъ, Красный, А. И. Купринъ, А. П. Каменскій, Г. Ландау, К. Милль (Полярный), С. Михѣвъ, Мандельштамъ, Моравская, О. Л. Д'Орбъ, Иванъ Куз. Прутковъ, П. Потемкинъ, А. Радаковъ, А. Рославлевъ, Б. Саловскій, гр. Алексій Толстой, Тэффи, Н. Топузь, Дм. Цензоръ, Г. Чулковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

Въ Россіи:		За границу:	
На годъ	6 р. 50 к.	На годъ	9 р. 75 к.
1/2 г.	3 „ 25 „	1/2 г.	4 „ 90 „
3 мѣс.	1 „ 75 „	3 мѣс.	2 „ 45 „
1 мѣс.	— 60 „	1 мѣс.	— 90 „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ 6 РУБ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — 3 руб., къ 1-му июня — 2 р. и къ 1-му сентября — 1 р. 50 к. Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно при подпискѣ — 2 руб. и ежемѣсячно каждое 1-е число по 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ — 15 коп.

Адресъ редакц. и конт.: Петроградъ, Невскій, 98.
Телефонъ 59—07.

Редакторъ: Арк. Аверченко. Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

„Петроградская Газета“, сообщая о выговоре Верховного начальника санитарной части, сделанном начальнику Сырано-Вяз. жел. дороги инженеру Мошкову, озаглаживает это сообщение так:

„Морскія извѣстія“.

Съ такимъ же успѣхомъ замѣтка о дракѣ трехъ подвыпившихъ дворниковъ можетъ быть названа:

„Дипломатическія вѣсти“.

Редакціей получено отъ группы ялтинцевъ коллективное письмо со слезной просьбой — „заступиться“.

Ялтинцы такъ и пишутъ:

„Стихотвореніе, которое мы Вамъ посылаемъ, принадлежитъ перу главнаго сотрудника, секретаря редакціи и фактическаго редактора самой крупной и распространенной у насъ газеты „Ялтинскій Вѣстникъ“! И такія стихотворенія мы, ялтинцы, „обречены“ читать почти ежедневно! Пожалуйте! Заступитесь!“.

А вотъ и стихотвореніе:

Вотъ и вновь, но между нами:
Злободневный фельетонъ.
Вѣдь (сознаюсь) временами
Нуженъ намъ хорошій тонъ.

...порой твердимъ: зачѣмъ
Намъ война? — Увы: не знаемъ
Мы того, что прежде чѣмъ
Такъ судить, надо окинуть
Острымъ взглядомъ рядъ страницъ.
Что въ прошедшемъ! — прочь откинуть
Маску надо!.. — Безъ границъ
Тевтоны мчались... Отливали
Оружье разное себѣ.
А сколько плановъ создавали
Въ мечтахъ о будущей борьбѣ?..

Николай Донской.

Принципы стихосложенія твердо усвоены Николаемъ Донскимъ: каждая строка пишется съ заглавной буквы, конецъ предыдущей строки долженъ рифмоваться со слѣдующей строкой, а остальное — плевое дѣло: все, что ни пиши, все слопаютъ.

Говорятъ, число утопленниковъ въ Ялтѣ по сравненію съ прошлыми годами увеличилось вдвое. Не выдерживаютъ.

Газета „Двинскій Курьеръ“ подноситъ читателямъ такія сокрушающія, сногсшибательныя телеграммы:

„МОСКВА, 13-1. По поводу устройства сербчорногорскаго дня, черногорскій король телеграфировалъ городскому головѣ; передайте московскимъ гражданамъ и (?) всей Черногоріи, благодарность и нашъ священный завѣтъ идя подъ покровительствомъ Россіи принести въ жертвы той правой идеѣ съ которой (!) мы теперь боремся.“

„Двинскій Листокъ“ полагаетъ, что „бороться съ правой идеѣ“ — поступокъ, который долженъ восхищать весь міръ.

Суконный языкъ при сильныхъ морозахъ хорошъ тѣмъ, что согрѣваетъ ротъ, но для изложенія телеграммъ суконный языкъ представляетъ собою такое бремя, которое лучше откусить и выплюнуть.

Пикантное сравненіе находимъ въ романѣ Н. Н. Брешко-Брешковскаго („Петроградская Газета“):

„...И когда вспотѣвшій, какъ черная бронза, Конквистадоръ, уже выступалъ шагомъ...“ и т. д.

Хорошо было бы, если бы Брешко-Брешковскій объяснилъ въ слѣдующемъ номерѣ: при какихъ обстоятельствахъ черная бронза можетъ вспотѣть? Не тогда ли, если она обернута въ листъ „Петроградской Газеты“?..

Петроградскіе общеобразовательные курсы Черняева выпустили свой собственный журналъ — „Единеніе“.

Видно, что люди сразу уразумѣли, какъ вести дѣло (журналъ напечатанъ на бумагѣ, черными буквами, заключенъ въ обложку и даже указана нумерація страницъ — все, какъ въ первыхъ домахъ), но со внутреннимъ содержаніемъ журнала вышло неладно.

Цитируемъ цѣликомъ стихи З. Шельдова:

„Я иду въ эту даль по широкой тропѣ,
И надежда, какъ факель, пылаетъ во мнѣ.
Не боюсь испытаній, которыя мнѣ
Попадутся на этой широкой тропѣ;
И спокойно иду я по торной тропѣ,
И не страшны страданья и горести мнѣ.“

Пусть идетъ Шельдовъ по торной тропѣ. Ради Бога, не возвращайте его съ намѣченнаго пути.

Бѣдный Шельдовъ... Бодрый онъ человѣкъ, но безталанность такъ же глядитъ изъ его души, какъ голые пальцы изъ порваннаго сапога.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменныя отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіи 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Ла. — Рисунокъ плохъ.

Л. — Не подошло.

Льсной, Анчъ Е. — Нѣтъ, не подошло.

Виктору Бездомному. — Совсѣмъ плохо.

Казанская ул. О. А. — Не подошло.

Гатчина — Вевскому. — Скучно.

Lola. — Рисунокъ очень плохъ.

Николаю Смѣхуну. — „Гонорара мнѣ не надо, человѣкъ я тороватый“...

Не тороватый вы, а вороватый. У Некрасова украли начало стихотворенія: „Долго не славалась Любушка-сосѣдка“.

Миссисъ N Z. — „Одѣтъ онъ былъ изысканно. Палець его обхватывалъ (?) роскошный солитеръ“.

Разные, барышня, солитеры бываютъ. Всякому свое мѣсто, барышня, и не нужно, барышня, этого забывать.

Б. Москва.

Хрупкому Стебельку. — Не подошло.

№ 7-му. — По присланномъ рассказѣ можно сказать, что юмористическій талантъ въ васъ выраженъ слабо.

Б. В. — Такіе стихи можно писать по десятку въ день, пока руки не начнутъ ломать.

— А. К. — Не подошло. Для подробнаго разбора нѣтъ мѣста.

М. Аннѣ. — Не подошло.

В. Провинція.

Полтава. — В. К.—скому. — Рисунки совсѣмъ дѣтскіе.

С. Семенову. — Все присланное — слабо.

Пенза. — „Новому“. — Не подошло.

Иваново-Вознес. Рождеств. — Четверикову. — Тоже.

Казань. — Варшавянину. — Тоже.

Самъ-Пью-Чай и К^о. — Нехорошій у васъ рассказъ.

Винница. — Эсиче. — Не подошло.

Могилевъ-Под. — М. Израилеву — „...Она смѣялась только тогда, когда хотѣла показать своихъ, дѣйствительно чудныхъ, зубовъ“.

Трудно писать рассказы русскому человѣку.

Симферополь. — К... Кики.

Пишу я лишь стихами,

А прозы не могу,

Полубуйтесь сами —

Живу на широкую ногу.

Если въ такіе стихи завернуть живого котенка — онъ моментально издохнетъ. Оставьте, Кики, насъ въ покоѣ. Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Издательство «НОВЫЙ САТИРИКОНЪ».

вышли въ свѣтъ повторныя изданія слѣдующихъ книгъ:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „О ХОРОШИХЪ, ВЪ СУЩНОСТИ, ЛЮДЯХЪ“.

ТЭФФИ. „ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

ФОМА ОПИСКИНЪ. „СОРНЫЯ ТРАВЫ“.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „КРУГИ ПО ВОДѢ“.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ. „СОЛНЕЧНЫЯ РАЗСКАЗЫ“.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ. „ПОЧТИ БЕЗЪ УЛЫБКИ“.

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ. „ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „БЕНГАЛЬСКІЯ ОГНИ“.

вышли въ свѣтъ новыя выпуски „дешевой библиотеки“.

Гдѣ бывають артисты и писатели ? **ВЪ РЕСТОРАНѢ** Комфортабельные кабинеты.
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ **И. С. СОКОЛОВА.** Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
на большую политическую, общественную и литературную ежедневную газету
III-й годъ изданія. **„УТРО ЮГА“** III-й годъ изданія
выходящую въ Ростовъ на Дону.

Вступая въ 3-й годъ изд., въ знаменательную эпоху общеевропейской войны, газета „Утро Юга“ будетъ уделять особое внимание событіямъ на ВСѢХЪ ТЕАТРАХЪ ВОЙНЫ и вліянію послѣднихъ на политическое и экономическое положеніе страны. На театр военныхъ дѣйствій командированы спеціальныя корреспонденты для почтового и телеграфнаго корреспондирования.
ГАЗЕТА ОСТАЕТСЯ ПОПРЕЖНЕМУ НЕИЗМѢННО ВѢРНОЙ ИНТЕРЕСАМЪ ДЕМОКРАТИИ И ТРУДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, УЧАСТВУЯ ВЪ ПОСИЛЬНОЙ РАЗРАБОТКѢ ПРОБЛЕМЪ, ВЫДВИГАЕМЫХЪ ПЕРЕДЪ НИМИ НА ОЧЕРЕДЬ СОЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.
Вопросамъ муниципальной и общественной жизни городовъ Ростова, Нахичевана на Дону, Новочеркасска, Таганрога и другихъ пунктовъ нашего края въ связи съ переорѣзкой многихъ цѣнностей, производимой войною, на столбцахъ газеты будетъ отведено надлежащее мѣсто.
Газета иллюстрируется ежодневно, рисунками, карикатурами и портретами. По воскресеньямъ „Утро Юга“ выходитъ съ особымъ иллюстрированнымъ приложениемъ (рисунки, шаржи, карикатуры на общія и мѣстныя темы; портреты общественныхъ и политическихъ дѣятелей; задачи, ребусы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
съ доставкой и пересылкой годовымъ и иногороднимъ подписчикамъ:

12 мѣсяцевъ	9 р. — к.	8 мѣсяцевъ	6 р. 50 к.	4 мѣсяца	3 р. 50 к.
11 „	8 р. 50 к.	7 „	5 р. 75 к.	3 „	2 р. 75 к.
10 „	8 р. — к.	6 „	5 р. — к.	2 „	2 р. — к.
9 „	7 р. 25 к.	5 „	4 р. 25 к.	1 „	1 р. — к.

За перемѣну адреса 25 коп.

Изд. Т-во „Обновленіе“. Редакторъ П. И. Марченко.
Адресъ редакціи: Ростовъ на Дону, Б.-Садовая, № 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ
(IV-й годъ изданія) на еженедѣльную съ иллюстраціями журналъ-газету
„ВОЛЧАНСКІЙ ЗЕМСКІЙ ЛИСТОКЪ“.
Подписная плата съ пересылкой и доставкой 2 руб. въ годъ для лицъ, работающихъ въ своихъ хозяйствахъ (Волчанскаго уѣзда) лично. Для остальныхъ подписчиковъ подписная плата на годъ 4 руб. Допускается разсрочка по подугодіямъ.
Адресъ редакціи: г. Волчанскъ, Харьковской губерніи, Земская Управа, Телефонъ № 144.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 Г. НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ
„ОРЕНБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ“
(3-й годъ изданія).
Прямой и главной задачей газеты является выясненіе нуждъ мѣстнаго края въ различныхъ проявленіяхъ его общественной и экономической жизни, разработка вопросовъ городского и земскаго самоуправления въ интересахъ широкихъ круговъ населенія. Объективность и спокойный тонъ въ достиженіи указанныхъ цѣлей — газета ставитъ себѣ особой задачей.
Г. Оренбургъ, уголъ Николаевской и Орской улицъ.
Подписная цѣна: на годъ — 6 р., 6 мѣс. — 3 р. 50 к., 3 мѣс. — 2 р., 2 мѣс. — 1 р. 35 к., 1 мѣс. — 70 к.,
Редакторъ И. Н. Туркестановъ. Издатель Оренбургское Издательское Товарищество.

Открыта подписка на 1915 года
на самую дешевую и самую распространенную въ Кавани газету
(III-й годъ изданія) **„ГОРОДЪ КАЗАНЬ“** изданія).
Условия подписки: съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р., иногород. на годъ 4 р. 20 к.; полгода съ достав. 1 р. 60 к., иногород. на полгода 2 р. 20 к.; мѣсяцъ съ достав. 30 к., иногород. на мѣсяцъ 40 к.
Ежедневно карикатуры на злобу дня. Цѣна отдѣльнаго номера одна копейка.
Редакторъ А. П. Чехановецъ. Издатель Ю. А. Еленевъ.
Казань, Рыбинская ул., д. 0-ва приказчиковъ.

Открыта подписка на 1915 годъ
на ежедневную политическую и общественно-литературную газету
„РЯЗАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
XIII-й годъ изданія.
Направленіе газеты прогрессивное.
Редакция ставитъ своей задачей ознакомленіе читателей со всеми выдающимися событіями и проявленіями общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей и въ особенности возможно широкое освѣщеніе мѣстной жизни.
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ — 5 р. 5 к., на 1/2 года — 3 р. 5 к., на 3 мѣс. — 1 р. 85 к., на 1 мѣс. 70 коп.
Для облегченія взноса подписной платы для годовыхъ подписчиковъ можетъ быть допущена разсрочка: при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая 2 р. Лицамъ, не внесшимъ къ 1 мая означенной суммы, высылка газеты будетъ прекращена.
Адресъ редакціи, конторы и собственной типографіи: г. Рязань, Липецкая ул., д. Гавриловой.
Редакторъ-издатель В. Н. Розановъ.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1915 ГОДЪ СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ НА

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи . . .	10.—	9.50	9.—	8.50	7.50	6.50	5.50	5.—	4.—	3.—	2.—	1.—
За границу . . .	20.—	19.—	17.50	16.—	14.50	13.—	11.50	10.—	8.—	6.—	4.—	2.—

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.
При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресенія и двенадцатыхъ праздниковъ.
Для годовыхъ подписчиковъ **допускается разсрочка платежа:** для служащихъ по третью, чрезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 мая и 2 руб. къ 1 сентября. Не внесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.
При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.
Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ Привислянскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.
За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп.
Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи (МОСКВА, Тверская, Пименовскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ ПЕТРОГРАДѢ — въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метилъ и Ко., Морская, 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ ПАРИЖѢ — Agence Navas, Place de la Bourse.
Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ. Стоимость отдѣльныхъ №№ „Моск. Вѣд.“ 5 коп.
Редакторъ-издатель Б. В. Назаревскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.
IX-й годъ изданія. **„НАША ОХОТА“** IX-й годъ изданія.
Двухнедѣльный журналъ. 24 книги въ годъ,
посвященныхъ охотѣ ружейной, неовой и рыболовству. Въ журналѣ принимаютъ участіе лучшія силы современной охотничьей литературы.

Статьи по всѣмъ отраслямъ охоты, по охотничьему оружію, собаководству, дичеразведенію и рыболовству, по зоологии и орнитологіи. Обзоръ охотничьихъ выставокъ, полевыхъ испытаній и садокъ. Корреспонденціи охотниковъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи. Изящная охотничья беллетристика. Отвѣты подписчикамъ на вопросы по охотѣ и собаководству.
С. А. БУТУРЛИНЪ. Обзоръ иностранной литературы объ охотничьемъ оружіи.
Всѣ годовыя подписчики въ теченіи 1915 года получаютъ три бесплатныхъ приложения:
А. П. ИВАШЕНЦОВЪ, его жизнь и дѣятельность.
Книга въ двухъ частяхъ, посвященная памяти покойнаго.
Часть I. Обзоръ дѣятельности А. П. Ивашенцова, сдѣланный различными авторами по ихъ специальностямъ.
Часть II. Воспоминанія и статьи общаго характера.
Какъ особенно дорога сердцу охотника, книга эта будетъ издана редакціей съ особымъ вниманіемъ и иллюстрирована многими снимками, преимущественно работы покойнаго.
ВТОРОЕ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:
Собраніе новыхъ, не появлявшихся въ печати, повѣстей и разсказовъ
А. П. ДЕМЕНТЬЕВА.
Лѣто. Листопадъ. По чернотропу. На току, и многие другіе. Изящное изданіе на хорошей бумагѣ.
ТРЕТЬЕ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:
Собраніе стихотвореній **ВЛАДИМИРА ВИРГИНСКАГО (В. С.)**
НАСТРОЕНІЯ.

Доплатное приложение 1915 года: Приплативъ при подпискѣ на журналъ 1 р. 50 к., годовыя подписчики получаютъ въ 1915 году цѣнный вкладъ въ охотничью литературу — книгу Н. А. МЕЛЬНИЦКАГО:
МЕДВѢДЬ И ОХОТА НА НЕГО.
Замѣтки и наблюденія охотника. Жизнь и повадки звѣря. Способы охоты на него. Оружіе. Собаки. Очерки медвѣжьихъ охотъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ — 5 р., на 6 мѣс. — 2 р. 50 к., на 3 мѣс. — 1 р. 25 к., на 1 мѣс. — 60 к. съ пересылкой и доставкой.
Редакція: Петроградъ. Б. Посадская, 18.
Редакторъ Н. Н. Фокинъ. Издательница А. Н. Фокина.

Открыта подписка на 1915 г.
На ежедневную (кромѣ послѣпразднич. дней) общественную, политико-экономическую и литературную газету:
3-й годъ **„АЛТАЙСКОЕ ДѢЛО“** изданія.
„Алтайское Дѣло“ ставитъ своей задачей обслуживать нужды широкихъ слоевъ сибирскаго населенія вообще и приобскаго района въ частности.
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
Для городскихъ — на годъ 6 р., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 80 к., на 1 мѣс. 60 к.
Для иногороднихъ — на годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 70 коп.
Учащимъ народныхъ школъ и низшему медицинскому персоналу скидка.
Пробный номеръ высылается бесплатно.
Редакція и контора: г. Ново-Николаевскъ, Томск. губ. Уг. Кабинетской и Воронцовской ул.

II годъ изданія Газета **„ЭХО“** Изд. въ г. Вологдѣ. Подписная цѣна: на 1 г. 4 р., на 1/2 г. 2 р.

ПОДПИСКА на 1915 годъ
НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

3-й годъ издан. ДЕНЬ 3-й годъ издан.

3р 30 к. (почт. мар.) дл' озн. газ. высл. въ течен. 2 нед лѣ

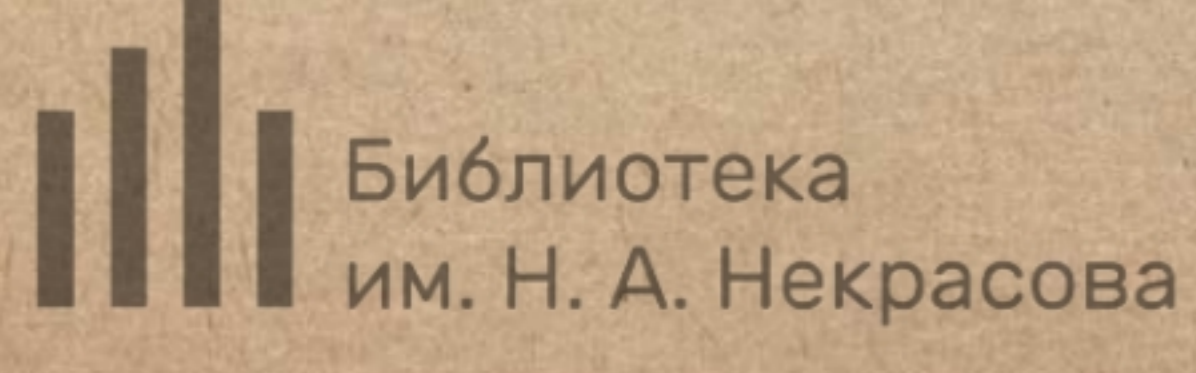
СПЕЦІАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ
на западномъ, восточномъ и кавказско-турецкомъ фронтахъ.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: В. А. Агафоновъ Влад. Азѣвъ, А. В. Амфитеатовъ, Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, К. К. Арсеньевъ, Н. П. Ашешовъ, Вл. Беренштамъ, Г. М. Бикерманъ, Р. М. Бланкъ, Александръ Блокъ, В. Я. Богучарскій, проф. И. А. Болдуновъ-де-Куртень, проф. А. Н. Бороздинъ, Валерій Брюсовъ, В. Бурцевъ, Эмиль Верхарнъ, В. Р. Водозововъ, С. Вольскій, Ч. Ефтинскій, Б. Ф. Гейеръ, Зин. Гиппюсъ, А. Н. Джинилеговъ, С. Г. Дмитріевъ, Д. Заславскій, (Homunculus), С. Золотаревъ, проф. А. А. Исаевъ, проф. Л. П. Нарсанянъ, В. Керженцевъ, П. С. Коганъ, В. П. Коломійцевъ, проф. С. А. Орфъ, А. Р. Кугель, (Номо Новис), І. Р. Кугель, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Эм. Ласкеръ, Н. Левинъ, проф. Н. О. Лосскій, А. В. Луначарскій, Евг. Ляцкий, Д. С. Мережковский, Н. Г. Минувъ, О. Миртовъ, Н. В. Новорусскій, Н. П. Огановскій, О. Л. Д'Орь, Н. Д. Панитновъ, С. Т. Патрашкинъ, К. М. Пономаревъ, П. П. Потемкинъ, А. Пругавинъ, И. Ратнеръ, А. М. Ремизовъ, И. М. Розенфельдъ, Петръ Рысь, Сильчевскій, М. А. Славинскій, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, Ю. М. Стекловъ, пр. Г. В. Тарге, В. Теръ-Оганезовъ, И. Трегубовъ, А. Троповскій, Поль Форъ, А. М. Хивьяковъ, Викторъ Чер овъ, П. Е. Щеголевъ, Б. Я. Эмъ-нуиль, К. Я. Этингеръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкой: на 12 мѣс. — 10 р., а 6 мѣс. — 5 р. 30 к., на 3 мѣс. — 2 р. 80 к., на 1 мѣс. — 1 р.

ПЬЮТНАЯ ПОДПИСКА. РАЗСРОЧКА.

Цѣна отдѣльнаго № — 5 коп.
Газета „ДЕНЬ“ продается во всѣхъ мѣстахъ жел. дор. и у газетчиковъ во всѣхъ городахъ Россіи.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 69.

КЛЕВЕТА НА МУЖЧИНЪ.

Она: — Про насъ, мужчинъ, говорятъ, что мы бѣгаемъ за каждой юбкой. Однако ты на себѣ можешь убѣдиться, мое сокровище, что юбка тутъ ни при чемъ!..